

© 1993 г., ЭО, N 5

В. Д о с т а л ь

МОЛЧАНИЕ В ТЕМНОТЕ

(Немецкая этнология

в период национал-социализма)

Название «Молчание в темноте» подчеркивает, что главное внимание моей работы фокусируется на поведении немецких этнологов в годы национал-социализма. Обращаясь к этой теме, я сделал акцент на конкретной этической проблеме — социальной ответственности ученых, работавших в специфических условиях политической системы, при которой попирались права человека и миллионы становились жертвами расистского безумия. Развернувшаяся дискуссия по проблемам социальной ответственности ученых того времени поможет выявить условия, способствовавшие восприятию национал-социалистской идеологии, бросившей вызов общепринятой морали.

Несмотря на то, что прошло почти полвека после падения режима национал-социализма, попытки выяснить роль этнологов во времена диктатуры не сдвинулись с начальной стадии. До 1968 г. существовала тенденция, поддерживаемая непостижимой солидарностью коллег — набросить покрывало забвения на прошлое, своего рода случай общей амнезии. Сегодня дискуссия ведется в немногочисленных публикациях на данную тему, однако часть немецких этнологов утверждают, что никаких сдвигов нет и до нашего времени; в лучшем случае, все, что сделано — это лишь маленькие шажки в правильном направлении¹.

Внимательный взгляд на деятельность исследований того времени дает нам картину, в которой безусловное восприятие идеологии национал-социализма соседствует с сопротивлением ей. Проблема оказывается многогранной. Одни этнологи категорически отказались от доктрины национал-социализма и от методов правления режима. Среди них можно назвать Л. Адама, Г. Кунова, Р. Хайне-Гелдерна, Ад. Е. Иенсена, В. Копперса, В. Лемана, П. Лезера, Дж. Липса и К. С. Преуса; некоторые продолжили свои исследования в изгнании.

Наиболее значительными представителями научного мира, принявшими национал-социализм, были Г. Бауманн, В. Е. Мюльман, В. Крикеберг и Р. Турнвальд. Р. Турнвальд является непосредственным соучастником преступлений нацистов. Именно он одобрил диссертацию Евы Юстин «История жизни цыган, воспитанных в иноэтничном окружении, и их потомков» (1943)², в которой были сформулированы чудовищные предложения о стерилизации всех цыган и их потомков от смешанных браков. Эта диссертация стала научным обоснованием законности нацистского геноцида против цыган.

Список подобных поступков можно дополнить еще и отказом в помощи коллегам, подвергшимся политическим преследованиям, например Ад. Е. Иенсену, Г. Спаннаусу и Г. Кунову. Последний, преподаватель этнологии в Берлинском университете, был лишен должности и прав на пенсию из-за социал-демократических убеждений. Он провел старость в полной нищете; спасла его от голодной смерти лишь помощь от рабочих³.

Я не собираюсь здесь осуждать этнологов того времени; я просто попытаюсь проанализировать ту основу, которая позволит нам объяснить восприимчивость немецкими этнологами идеологии национал-социализма, значимыми компонентами которой выступают идеологии национализма (Volkstumsideologie) и расизма⁴.

Цель, которую декларировали идеологи нацизма — освобождение этнического сознания, в первую очередь достаточно размытого национального самосознания немцев. Идеология расизма, основоположником которой можно считать Ж. А. Гобино, с середины XIX в. служила законным обоснованием существовавшего в то время социального неравенства, и следовательно, конечного положения доминирования какой-то группы как изначального. «Дух времени» (Zeitgeist) конца XIX в. подпитывался синтезом обеих идеологий, лживыми расистскими выпадами, типичными для немецкого сентиментализма, по определению Фридриха Ницше⁵.

Развитие национальной идеологии неразрывно связано с борьбой среднего класса за свое освобождение в конце XVIII — начале XIX вв. Социальную ситуацию того времени образно описывает Г. Лукас в своей книге «Гете и его время»: «Вся страна пребывала в состоянии упадка и отталкивающего декаданса. Деловая активность, торговля, промышленность и сельское хозяйство страны были сведены почти на нет; фермеры, торговцы и промышленники страдали под двойным гнетом высасывающего последние соки правительства и плохо идущих дел; князья и прочие представители аристократических семей поняли, что доходы растут недостаточно, несмотря на все прилагаемые усилия поддерживать их на уровне растущих расходов; извращено было все, и по всей стране витало чувство всеобщей неудовлетворенности. Образование, воздействие на умы, свободная пресса, общественный дух — все было устаревшим, рассыпающимся и превращающимся в развалины. Не было даже слабой надежды на перемены к лучшему»⁶.

В остальной, политически сломленной Германии перед национальной элитой очень остро встал вопрос национального единства. Под влиянием этих настроений И. Г. Гердер возложил ответственность за потерю национального самосознания на иностранное влияние.

«Мы, немцы, подобно американским индейцам, мирно жили в наших лесах, сражались в них, как герои, и не было в течение веков множества чуждых культур, упорно желавших нас завоевать и присоединить к себе»⁷.

Озабоченность поисками этнического самосознания отразилась и в письме Каролины Флашланд, жены И. Г. Гердера, от 9 ноября 1771 г.:

«Вы знаете, как я люблю мою бедную Родину. Увы, это ужасно, что наша страна лишь фантом и тень нашего народа. Да, потерянная Родина должна возродиться — это самая большая мечта»⁸.

Эта же мысль лежит в основе попыток И. Г. Гердера и братьев Гримм, Иоганна и Вильгельма, выявить национальные особенности немцев. Их внимание было обращено на народную поэзию и национальные традиции. В связи с этим важное значение приобрела оценка прошлого и настоящего нации через ее поэзию, что Ф. фон Генц назвал «возвратом любви к прошлому»⁹. Обращение к прошлому, немецкому прошлому, объединилось с идеей немецкого национального духа, а все вместе породило идею нации. Новая идея провозгласила преемственность немецкого национального духа со времен первых германцев до настоящего времени. Именно вера в «непрерывность» и определила направление, которое приняли исторические исследования. Германская мифология рассматривалась как продолжение древнескандинавской. Обращение к ранним векам нации, казалось, восстанавливало утраченное в настоящее время: национальное единство, уходящее корнями в германское, нордическое прошлое. Этим позже воспользовалась идеология расизма.

С появлением в середине XIX в. работы Ж. А. Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853—1855) и антропологического признания нордической расы, данного Ч. Чемберленом, Ж. В. де Ляпужем и Дж. Деникером, теория расизма стала официальным обоснованием для существования классового неравенства и господства знати, утверждая это как естественный факт. Особую роль в развитии немецкого расизма сыграл социальный дарвинизм¹⁰. Концепция Спенсера о «выживании наиболее приспособленных», т. е. социального успеха для

избранных, стала критерием оценки пригодности жизни человека и его биологической ценности. Положение, утверждающее, что жесткая конкуренция между индивидуумами способствовала прогрессу цивилизации, дало возможность соотнести биологические черты и социальное поведение, поставив их в центр интересов исследователей. Естественный отбор, по их мнению, должен был гарантировать сохранение количественного превосходства биологически ценных факторов и оставаться лидирующим в социальном плане. Социальные изменения недавнего прошлого и особенно появившееся рабочее движение создали ситуацию, при которой регулирование естественного отбора стало невозможным. Расовая субстанция нации теперь оказывалась в опасности со стороны индустриального общества. Следовательно, считали они, необходимо подкрепить естественный отбор социально направленным отбором, чтобы предотвратить возможные катастрофические последствия для созидательного гения нации. Эта концепция стала платформой для расистских (т. е. придерживающихся расистских взглядов) антропологов и «гигиенистов», разворачивавших свою деятельность в Германии.

Расистские «гигиенисты» были озабочены вопросом наследственной дегенерации и политики народонаселения. Они основали в Немецком Обществе за расовую чистоту (*Deutsche Gesellschaft für Rassenhygiene*) организационную структуру со своей идеологической платформой, и уже в 1914 г. в Германии существовало свыше 350 региональных отделений общества¹¹. И, конечно же, не случайно расистские «гигиенисты» с готовностью восприняли нордическую расовую идеологию в том виде, в котором ее сформулировал Г. Ф. Гюнтер. Ее основные постулаты звучат так: 1. вера в исключительность и неизменную ценность нордической расы и ее надвигающийся упадок в результате чужого влияния; 2. вера в то, что уничтожение нордической расы равно концу Западной цивилизации, поэтому необходимо нанести встречный удар, приняв политические меры к защите расы. Однако это означает лишь то, что нордическая расовая идеология в значительной мере несет черты национального возрождения, стремясь к созданию новой германской нации и культуры¹².

Возрожденческое начало, заимствованное национал-социализмом, получило существенный импульс от нордической расовой «религии», разработанной И. Ланцем фон Лайбенфельсом¹³. Ланц фон Лайбенфельс был священником-цисториком, а в 1908 г., когда его изгнали из ордена, начал издавать памфлеты под общим названием «*Ostara*». Названия некоторых из этих памфлетов ярко характеризуют образ мыслей Ланца фон Лайбенфельса: «Они блондины? Они создатели и хранители культуры!»; «Они блондины? Тогда остерегайтесь угрожать им!»; «Расовая метафизика или бессмертие и божественность высшего существа». В памфлетах автор утверждал превосходство нордической расы, осуждал расовое смешение и предлагал для его предотвращения собрать женщин-носительниц расового генотипа в специальных местах, где они будут воспитываться и рожать детей; таким образом, низшие расы будут естественно устранены. Трагичность «религии» расизма, созданной этим человеком, состоит в том, что меры, предложенные им для уничтожения иноэтничных групп, были реализованы нацистами. Гитлер (и это может быть доказано) читал памфлеты Ланца фон Лайбенфельса, но мало что мог внести оригинального в его определение культуроросозидающих, культурохранящих и культуроразрушающих рас, использованное в «*Майн Кампф*»¹⁴.

Надеюсь, мне удалось достаточно убедительно передать интеллектуальную атмосферу того времени, которую никак не могли игнорировать исследователи. Теперь же попробуем выяснить, как тот самый «дух времени» смог завладеть умами немецких этнологов. В поисках ответа на этот вопрос мы не должны забывать, что подлинный германский расизм был также воспринят этнологами, не симпатизировавшими национал-социализму, но, несмотря на это, ставшими его предшественниками. Здесь среди прочих можно назвать имя В. Шмидта, представителя культурно-исторической школы в этнологии. Именно патеру Шмидту

принадлежит сомнительная слава оказаться единственным членом своего ордена, соединившим антисемитизм, уходящий корнями в распространенное в христианской религии представление о первоначальной вине евреев, с современным ему расизмом. В речи, произнесенной на собрании католических деятелей в Вене в 1934 г., он заявил, что даже завоевание Вены турками в 1683 г. не было столь разрушительным и позорным, как допуск евреев к власти в других государствах¹⁵. Говоря обо всем спектре взглядов как нацистских, так и ненацистских этнологов того периода на проблемы расизма, следует обратиться к обзору Э. Конта, в котором приводятся краткие цитаты из работ патера Шмидта и национал-социалиста В. Е. Мюльмана. В публикации 1927 г., озаглавленной «Раса и нация и исследование в установлении их пределов и осознании их отношений» патер Шмидт так писал о евреях, получивших тогда клеймо чуждых и враждебных интересам нации элементов: «Чем больше будет уничтожено этих чуждых в расовом и культурном отношении элементов, тем сильнее станут те, кто освободил и очистил себя от этих отдающих себе отчет в своей национальной и культурной уникальности»¹⁶. Расизм этнографа национал-социалистической ориентации В. Е. Мюльмана выражается совсем иным образом. В своей книге «Расы и этнология. Насущные проблемы рас, обществ и людей» (1936) он старается объяснить, пользуясь достаточно стройной схемой, единство расы и культуры. По его схеме, определяющим механизмом для возвышения социальной группы является не естественный отбор, а социальная фильтрация. С этой точки зрения евреи — интеллектуальная раса, достигшая своего своеобразного характера через процесс социальной фильтрации в гетто¹⁷. Тем не менее мы читаем в «Воине и мире» (Krieg und Frieden, 1940) слова, заставляющие нас содрогнуться: «То же относится к расово-политическим мерам, применяемым к местным группам, которые ни в этническом, ни в культурном, ни в экономическом отношении не могут быть ассимилированы. Говоря о больших современных нациях, в первую очередь необходимо иметь в виду евреев, имеющих ярко выраженный национальный характер, сравнимый разве что с религией. В целях расовой и политической самозащиты следует обсудить меры, приводящие к увеличению факторов наследования способностей и в то же время уменьшению числа слабых и неспособных особей. Это означает так называемую расовую гигиену»¹⁸.

Приведенные примеры показывают, что специфическая версия немецкого расизма, развивавшаяся в тесной связи с национальной идеологией, воспринималась достаточно широкими научными кругами. И здесь не нужно забывать, что до прихода к власти национал-социалистов такие этнологи, как Л. Фробениус, Б. Анкерман и Ф. Ратцель придерживались расистских взглядов¹⁹. Другими словами, за исключением нескольких человек, упомянутых мною выше, этнологи не рассматривали национал-социализм как нравственный вызов. Здесь опять следует учитывать политический фактор. Большинство этнологов отвергали эволюционизм. С момента его возникновения К. Маркс и Ф. Энгельс подняли обоснованную научную дискуссию по книге Л. Г. Моргана «Древнее общество». Причиной того, что этнологи в большинстве своем имели серьезные претензии к эволюционизму, стала их принадлежность к консервативному крылу общества, в то время как рабочие, боровшиеся за свое политическое освобождение, представляли радикальное крыло. Вспомним, что именно В. Шмидт, руководствуясь политическими соображениями, заявил, что всю свою энергию направит на то, чтобы стать антиэволюционистом и, следовательно, антимарксистом. В своей модели культурных комплексов, в работе «Собственность на ранних ступенях человечества» (1937) он пытался доказать первичность частной собственности в древнейших культурах²⁰. С этих позиций антимарксизм национал-социалистов был с готовностью воспринят этнологами. Говоря более ясно, синтез националистической расовой идеологии и антимарксизма в национал-социализме не отталкивал ту часть немецких этнологов, которая идеологически была связана со средними классами. Основным следствием этого, хотя и в разной степени, явилось восприятие самого национал-социализма.

В заключение попытаемся проанализировать, существовали ли в мире немецкой академической науки силы, пытавшиеся противостоят идеологии национал-социализма. Учитывая все приведенные выше доказательства, не удивительно, что количество возможных контраргументов очень ограничено. Кажется, только «Ost-These» («Восточный постулат») венского этнолога В. Копперса, посвященный прародине индоевропейцев, стал единственной достойной оппозиционной научной концепцией. В. Копперс, ассистент патера Шмидта, не разделявший взглядов своего учителя, в 1935 г. занялся проблемой, вытекавшей из изучения «культурных кругов» скотоводства, составленных В. Шмидтом. В 1935 г. Копперс опубликовал статью, озаглавленную «Индоевропейский вопрос в свете исторической этнологии», в которой рассматривал обсуждаемые этнологами различные социальные и религиозные феномены в свете прародины индоевропейцев. Выводы работы утверждали, что именно факты в рамках «восточного постулата» (гипотеза о восточной локализации прародины индоевропейцев — прим. пер.) указывают на прародину индоевропейцев²¹. Разрабатывая эти идеи, он опубликовал два объемистых тома, озаглавленных «Германцы и индоевропейский вопрос. Новые пути к разрешению», в которых суммирует все свои выводы: «Если мы еще раз обратим свое внимание в свете всего сказанного на проблему прародины индоевропейцев, то станет ясно, что результаты исследования склоняют нас в пользу восточного постулата (Ost-These). Также очевидно, что не может быть и речи о Северной Европе как о прародине индоевропейцев»²². Эта этнологическая гипотеза возникла в противовес поддерживаемой национал-социалистами теории о северной прародине индоевропейцев, оказалась единственным научным выступлением против догм национал-социализма.

Заглавие статьи «Молчание в темноте» отражает точку зрения немецких этнологов на этический императив социальной ответственности. Социальная ответственность для этнолога означает возможность выбора, долгий рабочий процесс с определенным набором закономерностей, который ставит исследователя в условия, помогающие осознать свой долг перед обществом. Я в краткой форме постарался проиллюстрировать, как конкретные составные элементы идеологии национал-социализма препятствовали этому выбору.

Идеология национальности возникает из страданий, рожденных в результате национального отчуждения, тогда как специфическая расовая идеология уходит корнями в страх перед социальным отчуждением, пережитый в XIX в. привилегированными классами индустриального общества под давлением нарождающегося рабочего движения. Попытки преодолеть это отчуждение достигли высшей отметки в синтезе национальной и расовой идеологии, которые были сфокусированы, в конце концов, на социальном и культурном превосходстве нордической расы, что легло в основу возрожденческой концепции национал-социализма. Эта концепция послужила отправным пунктом для перестройки национальной культуры как краеугольного камня для всех германцев. Мы увидели, как подобная идеология может дать негативный эффект при решении этнологами этических проблем. Возможно, кто-то для объяснения сокрушительного провала обратится к многочисленным апологетам этой системы и той части немецких этнологов, которая укрылась в «башне из слоновой кости» — я не берусь судить. Однако никто не сможет отрицать, что даже новый подход, выросший из современного позитивизма, не оправдает этих этнологов²³.

Перевод Т. Б. Розыновой

Примечания

¹ Первой работой, посвященной расистским взглядам немецких этнологов донацистского периода, была диссертация И. Винкельманн (*Winkelmann I. Die bürgerliche Ethnographie in Dienste der Kolonialpolitik des Deutschen Reiches (1870—1918)*). Diss. Phil. Philosophische Fakultät, Humboldt-Universität, Berlin), защищенная в 1966 г. Изложение теоретических взглядов различных немецких этнологов и их

отношение к национал-социализму впервые было сделано С. Джел-Бальзен в статье «Этнология и фашизм в Германии» (*Jell-Bahlzen S. Ethnology and Faschism in Germany/Dialectical Anthropology*. 1985. V. 9. P. 313—333). Однако некоторые из сделанных ею выводов из-за предвзятого отношения нуждаются в фактическом подтверждении, например, ссылки на концепцию Л. Фробениуса.

Молодой этнолог Томас Хаушильд попытался в небольшой статье «Этнология в третьем Рейхе» (*Hauschild T. Völkerkunde im Dritten Reich/Völkerkunde im Nationalsozialismus. Münchner Beiträge zur Volkskunde. Bd. 7. München, 1987. S. 245—259*) проанализировать условия, в которых работали немецкие этнологи. Параллельно вышли несколько статей и книга гамбургского исследователя Ганса Фишера, которые можно назвать довольно поверхностными, несмотря на наилучшие намерения прояснить эту тему, и кроме того, с некоторой склонностью к апологетике (*Fischer H. Ethnologie und Nationalsozialismus. Probleme bei der Untersuchung eines gemiedenen Themas//Kölnener Museums-Bulletin. 1988. Bd. 2. S. 28—39; ibid. Völkerkunde im Nationalsozialismus. Aspekte der Anpassung, Affinität und Behauptung einer wissenschaftlichen Disziplin. Hamburger Beiträge zur Wissenschaftsgeschichte. 1990. Bd. 7.; ibid. Völkerkunde in Hamburg 1933 bis 1945//Hochschulalltag im «Dritten Reich», die Hamburger Universität 1933—1945. Bd. 3. T. II. Berlin; Hamburg, 1991*).

В 1991 г. К. Пусман представил свою диссертацию «Венское антропологическое общество в первой половине XX в., его вклад в историю науки (на примере этнологии)» (*Pusman K. Die Wiener Anthropologische Gesellschaft in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte auf Wiener Boden unter besonderer Berücksichtigung der Ethnologie. Diss. Phil. Grund-und Integrativwissenschaftliche Fakultät, Universität Wien*). Это было критическое исследование, показавшее связи между Обществом и учеными-нацистами.

Живой интерес, который проявляют молодые немецкие этнологи к изучению названного периода, иллюстрирует материал коллоквиума «Этнология и национал-социализм», состоявшегося в Кельнском университете 17—18 ноября 1990 г. (*Pützstückl L., Hauschild T. Ethnologie und Nationalsozialismus. Bericht über das Kolloquium «Ethnologie und Nationalsozialismus», 17—18.11.1990, Universität Köln//Anthropos. 1991. Bd. 86. S. 576—580*).

Из зарубежных исследователей необходимо отметить французского этнолога Эдуарда Конта (*Conte E. Wilhelm Schmidt: Des letzten Kaisers Beichtvater und das neudeutsche Heidentum//Volkskunde und Nationalsozialismus. Münchner Beiträge zur Volkskunde. 1987. Bd. 7. S. 261—278; ibid. Völkerkunde und Faschismus? Fragen an ein vernachlässigtes Kapitel deutsch-österreichischer Wissenschaftsgeschichte//Kontinuität und Bruch 1938—1945. Wien; München, 1988. S. 229—264*). До настоящего времени только две его публикации по указанной теме рассматривают ее в критическом, теоретическом и историческом аспектах. Конт, тем не менее, в связи со своими научными планами занят оценкой большого пласта документов, поэтому в недалеком будущем мы получим всеобъемлющее исследование по интересующей нас теме.

Со своей стороны я могу претендовать на звание первого немецкоговорящего этнолога, прочитавшего отдельную лекцию на тему «Этнология в период национал-социализма» в конце сентября 1968 г., когда я преподавал в университете в Берне. В Вене я продолжал исследование этой проблемы в моей вводной лекции по истории этнологических теорий.

² *Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berlin; Grunewald, 1959. S. 79—80. О деятельности Турнвальда см. также: Timm K. Richard Thurnwald: «Koloniale Gestaltung» — ein «Apartheid-Projekt» für die koloniale Expansion des Deutschen Faschismus in Afrika//Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1977. Bd. 18. S. 617—649; Conte E. Völkerkunde und Faschismus... S. 249.*

³ О Кунове см.: *Ulrich M. Heinrich Cunow, 1862—1936. Sein ethnologisches Werk vor dem Hintergrund der Persönlichkeit, der Zeitschichte und der wissenschaftlichen Traditionen. Diss. Phil., Philosophische Fakultät, Humboldt-Universität, B. S. 19—20. О К. Т. Прейссе, ставшем жертвой фанатика-нациста см.: Kisch E. E. Mexikoforschung bei den Nazis//Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Bd. 7. Berlin; Weimar, 1979. S. 569—575; Conte E. Völkerkunde und Faschismus... S. 245; Fischer H. Ethnologie und Nationalsozialismus... S. 30.*

⁴ Подробное описание развития идеологии нации и ее воздействие на развитие фольклора (*Volkskunde*) см.: *Emmerich W. Zur Kritik der Volkstumsideologie. Edition Suhrkamp. Bd. 502. Frankfurt/M., 1971.*

⁵ Цит. по: *Emmerich W. Op. cit. S. 85.*

⁶ *Lukacs G. Goethe und seine Zeit. Berlin, 1950. S. 11—12.*

⁷ *Herder J. G. Zur Philosophie der Geschichte. Eine Auswahl in zwei Bänden. Bd. 1. Berlin, 1952. S. 428.*

⁸ Цит. по: *Adler E. Herder und die deutsche Aufklärung. Wien; Zürich, 1968. S. 110.*

⁹ Цит. по: *Emmerich W. Op. cit. S. 37. На стр. 40 отмечается переход от романтического подхода в исследованиях к мифологическому.*

¹⁰ Более подробно см.: *Zmarlik H.-G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland als geschichtliches Problem//Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 11. Jhg. H. 3. Juli. S. 246—273.*

¹¹ См.: *Zmarlik H.-G. Op. cit. S. 265-266 и прим. 38. Странники расовой антропологии объединились в Союз Гобино, Общество Древней Германии (Altd deutscher Verband), Немецкий школьный союз (Deutscher Schulverein) и Клуб немецких студентов (Verein Deutscher Studenten). В Немецком обществе за расовую чистоту (Deutsche Gesellschaft für Rassenhygiene) расовые «гигиенисты» основали свою организационную структуру. Неудивительно, что нацизм пришел при содействии расовых «гигиенистов». В своих комментариях к национал-социалистскому расовому законодательству, опубликованному в 1934 г., антрополог Е. Фишер сформулировал с невероятным цинизмом и бесчеловечностью цель расовой «гигиены»: «Люди глубокоуважаемые, обеспеченные, значимые будут упорными и жестокими. Можно ли считать жертву слишком большой, если речь идет о спасении всей нации? Разве нация, ее наиболее ценные наследственные родословные не стоят войны? Возрождение людей и*

сознательное повышение расы отбрасывает нацию от бедны, в которую завела ее в последние десятилетия так называемая культура» (Цит. по: *Zmarlik H.-G.* Op. cit. S. 268—269).

¹² Об идеологическом значении концепции нордической расы см.: *Lutzhöf H.-J.* Der Nordische Gedanke in Deutschland 1920—1940//*Keiler Historische Studien.* 1971. Bd. 14; *Saller K.* Die Rassenlehre des Nationalsozialismus in Wissenschaft und Propaganda. Darmstadt, 1961. Чтобы представить весь спектр работ в области психологии расизма, я рекомендую обратиться к двум работам: *Class L. F.* Die Nordische Seele. Eine Einführung in die Rassenseelenkunde. München, 1936; *Keiter F.* Nordisch: Vorderasiatisch als rassenspsychologische Polarität//*Zeitschrift für Rassenkunde.* 1941. Bd. 12. H. 1. S. 60—65.

¹³ Честь открытия для нацизма темных идей этого человека принадлежит В. Дайму. Программа обработки и истребления низшей расы, выдвинутая Ланцем фон Лайбенфельсом, была адаптирована и реализована СС. В этой программе, усиленной расовым психозом, он предлагал следующие методы: 1. призыв к бездетным бракам через контрацепцию; 2. кастрация; 3. стерилизация; 4. прекращение благотворительных выплат — «морить голодом вандалов» (низшие расы); 5. рабство; 6. трудовая повинность; 7. депортация в необжитые места; 8. проституция; 9. использование в качестве пушечного мяса; 10. прямая ликвидация. О контрацептивных методах он так писал: «Мы не в состоянии уничтожить тысячи миллионов представителей низшей расы ружейным огнем, но добьемся большего, задушив их с помощью резины». О стерилизации он заметил: «Основной источник бедности — низшие расы, больные тела, не способные работать — должны быть устранены с самого начала. Современная экономика просто не может больше поддерживать эти ужасные банды и миллионы безработных антисоциальных расовых полукровок» (*Daim W.* Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Von den religiösen Verirrungen eines Sektierers zum Rassenwahn des Diktators. München, 1958. S. 184—185). Эти страшные цитаты не нуждаются в комментариях: будущие исследователи немецкой мысли и общества выявят конкретные корни такой точки зрения.

¹⁴ *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1938. S. 318 ff.

¹⁵ См.: *Heer F.* Gottes Erste Liebe. 2000 Jahre Judentum und Christentum. Genesis des Österreichischen Katholiken Adolf Hitler. München; Esslingen, 1967. S. 361—362; об антисемитизме патера Шмидта см. также: *Conte E.* Völkerkunde... S. 239.

¹⁶ Цит. по: *Conte E.* Völkerkunde... S. 239; анализ взглядов патера Шмидта см. также: *Conte E.* Wilhelm Schmidt...

¹⁷ См.: *Conte E.* Völkerkunde... S. 250.

¹⁸ Цит. по: *Conte E.* Völkerkunde... S. 254.

¹⁹ Очерк по истории теории см. в диссертации: *Winkelmann I.* Op. cit.

²⁰ О Марксе и Моргане см.: *Karl Marx.* Die ethnologischen Exzerpthefte//Ed. L. Krader. Frankfurt/M., 1976. S. 31—61; 124—360. В. Шмидт, рассматривая положения Моргана, чья модель известна под названием теории Бахофена-Моргана, заметил следующее: «Она была с готовностью воспринята в социалдемократических кругах, где ее популяризировали Маркс, Энгельс, Симон и фон Бебель в своей книге „Женщина и социализм“» (*Schmidt W., Koppers W.* Völker und Kulturen. Erster Teil: Gesellschaft und Wirtschaft der Völker//Der Mensch aller Zeiten. Natur und Kultur der Völker der Erde. B. III. Regensburg, 1924. S. 137—138). У В. Копперса мы находим следующий абзац, отражающий точку зрения этнологов, приверженных культурно-исторической школе: «Ф. Энгельс присвоил, без какой-либо существенной переработки, экономическую и социологическую модель Моргана для своей работы „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ (1884), которая полностью лишена оригинальности и стала известной лишь благодаря активной рекламе» (*Schmidt W., Koppers W.* Op. cit. S. 386—387). Остается только заметить, что Копперс, вероятно, не знал мнения Р. Люксембург о Э. Гроссе, высказанное в книге «Введение в политическую экономию» (1925), иначе вряд ли он назвал бы «социально-этнологические исследования экономикой» (его кавычки) бесплодными. Антиэволюционистская позиция Шмидта была воспринята, тогда как его антилиберализм (фактически антикапитализм, уходящий корнями в его «концепцию альтруизма», не был принят этнологами (*Schmidt W., Koppers W.* Op. cit. S. 56—57).

²¹ См.: *Koppers W.* Die Indogermanenfrage im Lichte der historischen Völkerkunde//*Anthropos.* 1935. Bd. XXX. S. 1—31. Свою позицию относительно расовой идеологии нацизма Копперс сформулировал в следующей статье. Я приведу здесь один абзац из введения, который ярко характеризует трагическое положение антинацистов и антирасистов того времени. «Если мы бросим взгляд на недавнее прошлое с его бурными расовыми конфликтами, мы почти готовы поверить в то, что уже наступило или скоро наступит время, которое Ляпуж осмелится предсказать так: „Я убежден, что миллионы пережут друг друга только из-за разницы в одну или две единицы в показателях обмера черепа. По этим показателям родственные расы смогут узнать друг друга, и сентименталисты станут свидетелями жесткого искоренения людей“. Это слишком даже для Ляпужа. Бойни, напророченные Ляпужем, могут осуществиться в ходе назревающей революции, но мы надеемся, что этого не произойдет» (*Koppers W.* Der Nordische Mensch und die Indogermanenfrage. Aktuelle Probleme, völkerkundlich und universalgeschichtlich betrachtet//*Anthropos.* 1938. Bd. XXXIII. S. 240).

²² *Koppers W.* Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen. Eine ethnologisch-religionswissenschaftliche Studie//Die Germanen- und Indogermanenfrage. Neue Wege zu ihrer Lösung. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. 1936. Bd. IV. S. 406. Далее в работе Копперс утверждает, что лошади и значимые элементы коневодства были заимствованы индогерманцами у прототюрков. Это была действительно шокирующая гипотеза для нацистов.

После оккупации Австрии национал-социалистами В. Копперс был немедленно освобожден от занимаемой должности (извещение от декана от 23 апреля 1938 г., приказ 659 от 1937—1938) в соответствии с директивой Министерства образования от 22 апреля 1938 г., приказ 1247/1/1b. Я благодарю проф. Г. Хайса из Венского университета, обратившего мое внимание на подшивку дел Венского университета. В. Копперс прожил эти годы в Швейцарии.

Silence in the Darkness (An Essay on German Ethnology during the National Socialist Period)

The title refers to the attitude of certain German ethnologists towards the ethical imperative of social responsibility. For ethnologists, social responsibility means an ever present act of choice, a continuous decision-making process, which the precept of norms imposes upon them, and which places them in a position to recognize what their duty to all societies is. The author tried to illustrate how certain constituent elements of National Socialist ideology hindered this choice.

The ideology of nationality sprang from the suffering born of national alienation, while the specific ideology of race was rooted in the fear of social alienation experienced by the privileged classes of the 19th century industrial society under pressure from the working class movement. The attempts to overcome this alienation culminated in the synthesis of the national and racial ideology whose focus was, ultimately, the social and cultural renown of the Nordic race which formed the core of the revitalizing concept of National Socialist ideology. This concept laid down the rebuilding of national culture as an essential keystone for all Germans. Here we see how such ideologies can produce negative effects on the ethical decisions of ethnologists.

W. Dostal

© 1993 г., ЭО, № 5

Г. Е. Марков

НАРОДОВЕДЕНИЕ В ГОДЫ НАЦИЗМА. КРУШЕНИЕ НАУКИ

По традиции, сложившейся в начале второй половины XIX в., три национальные ветви науки о народах, задачей которых было изучение культуры, быта и психических особенностей населения Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии, именовались «немецким народоведением». Его идейные и теоретические основы, методы исследования были восприняты у романтической германистики, а предмет — у так называемой «государственной науки» Германии первой половины XIX в., занимавшейся описанием местностей и их населения, его быта и особенностей, изучавшей демографические процессы¹.

В течение второй половины XIX в. в народоведении, главным образом в Германии, стали постепенно проявляться все более заметные националистические, а затем и выраженные шовинистические тенденции. Утверждалось превосходство носителей немецкого языка над другими народами, немецкий народ рассматривался как некое изначально мистическое социальное целое в виде расы, наследовавшей особые выдающиеся черты, дающие право руководить другими народами. Этот комплекс идеологических представлений включал догму «земли и крови», отстаивавшей право немцев на обширные территории, представление о «национально-народном» (völkisch) характере немецкого общества, преданности своим вождям, о «расе как судьбе народа» и многое другое².

Концепции народоведения привлекли еще до 1933 г. внимание идеологов нацизма, и в частности Альфреда Розенберга, что нашло отражение в его самой крупной работе — «Миф XX столетия»³.

Националистические и шовинистические идеи отразились в работе над «Атласом немецкого народоведения» (ADV), вокруг создания которого объединились в